

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации Стародубова Станислава Витальевича

на тему «Коммуникативная ситуация судебного перевода: собственно лингвистические и прагматические аспекты»

**на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности: 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика**

Кандидатская диссертация Станислава Витальевича Стародубова посвящена изучению особенностей коммуникативной ситуации судебного перевода. Отмечается, что в связи со спецификой коммуникативной ситуации судебного дискурса переводчик прибегает к определенным стратегиям и тактикам в ходе судебного заседания.

В этой связи нельзя не согласиться с **актуальностью** темы Станислава Витальевича, которая определяется насущной потребностью в определении принципов и особенностей участия устного переводчика в судебном процессе, основных подходов к осуществлению судебного перевода, задач, решаемых переводчиком в рамках судебного процесса, статуса судебного переводчика, а также необходимостью анализа специфики коммуникативной ситуации судебного перевода.

Действительно, судебная риторика – многосторонний вид дискурса, которому характерна высокая вариативность. Станислав Витальевич уместно отмечает, ссылаясь на ряд процессуальных документов, что в настоящее время мы сталкиваемся с такими процессами как, например, миграционные потоки. Данные обстоятельства требуют не только определения статуса переводчика в

ходе судебных заседаний, но и рассмотрение переводческой деятельности с точки зрения лингвопрагматического подхода.

Лингвопрагматический аспект перевода представляет собой уникальную возможность по-новому взглянуть на переводческий процесс, особенно если речь идет об устной переводческой деятельности. Лингвопрагматика находится на стыке и других направлений: психолингвистика, когнитивная лингвистика, дискурсология, переводоведение. С точки зрения **степени разработанности проблемы** автор отмечает недостаточное исследование роли судебного переводчика с позиций коммуникативно-деятельностной парадигмы, приводя в качестве примеров отечественных и зарубежных исследователей, основные положения которых были использованы в качестве **методологической основы** исследования. Однако следует отметить, что четко сформулированная теоретическая основа исследования отсутствует, что является нарушением структуры работы и вносит неопределенность с точки зрения осведомленности об анализируемой проблематике, так как приведенный список исследователей в рамках методологической основы невелик и не уточняет анализируемые направления.

Вызывает вопрос разграничение следующих **задач**: (стр. 7): «рассмотреть историю судебного перевода в России и за рубежом», «проанализировать организационные основы судебного перевода и установить правовой статус судебного переводчика», «определить основные требования, предъявляемые к деятельности судебного переводчика». С одной стороны, действительно, для анализа лингвистических и прагматических факторов судебного перевода необходимо учитывать подобные экстралингвистические особенности, создающие определенным образом лингвопрагматическое пространство деятельности устного переводчика, однако в рамках защищаемой специальности диссертанту следовало бы сформулировать данные задачи более четко с точки зрения применения данных знаний к теме и

цели диссертации, которая заключается в «комплексном исследовании лингвистических и прагматических аспектов участия судебного переводчика в судебном процессе» (стр. 6). Следует отметить, что анализу данных исторических и организационных изысканий Станислав Витальевич уделяет особое внимание.

Кроме того, в качестве замечания необходимо отметить, что отсутствует список названий судебных заседаний, стенограммы которых были отмечены в **материале исследования.**

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

В первой главе «Ситуация судебного перевода как особый вид коммуникативной ситуации» осуществляется детальный обзор отечественной истории судебного перевода, особое внимание уделяется дореволюционному и советскому этапу, под данный аспект отведено два параграфа. Уточняются роль переводчика в судебном процессе и требования, предъявляемые к переводческой деятельности.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что не в полной мере раскрывается корреляция между темой диссертации, поставленной целью и задачами по комплексному исследованию собственно лингвистических и прагматических аспектов участия переводчика в судебном процессе. С.В. Стародубов активно ссылается на ряд электронных ресурсов, посвященных деятельности переводчика в рамках судебных реалий, на статьи из уголовно-процессуального кодекса РФ, однако выводы о влиянии приведенных автором особенностей на лингвопрагматический аспект судебного перевода отсутствуют.

В работе при перечислении факторов, связанных с ролью переводчика в судебном процессе, справедливо отмечается, что лицо, осуществляемое переводческую деятельность, является посредником коммуникации,

обеспечивает ее успех «между сторонами судебного заседания» (стр. 52), при этом необходимо «передавать все особенности речей коммуникантов, включая разговорные и просторечные выражения, жаргонизмы, обценную лексику и пр., а также стиль и регистр высказываний» (там же). Здесь автор ссылается на изыскания зарубежных исследователей, однако ряд перечислений дублирует друг друга (2-6, 3-5). В качестве замечания следует отметить, что понятие «переводчик-фасилитатор» является дословным переводом понятий упомянутых исследователей (Viljanmaa, Mantynen 2017: 147 – 177; Lebesse 2015: 66 – 80; Laster and Taylor 1995: 9 – 14), который следовало передать более корректно.

С.В. Стародубов предлагает, основываясь на перечисленных аспектах, схему коммуникации, в рамках которой осуществляется судебный перевод. Необходимо положительно отметить посредническую роль переводчика, который находится на стыке биполярного характера коммуникации, связанного с неустанной конфронтацией и сотрудничеством ее участников.

Упоминается понятие судебного дискурса и отрадно подчеркнуть, что отмечают его основные черты, которые тесно взаимосвязаны с языком для специальных целей: «судебный дискурс вмещает в себя значительный объем специальных знаний из разных областей, т.е. он является комплексным и полиморфным» (стр. 47). Согласно приведенной схеме, судебный дискурс служит фоновым параметром, что вызывает ряд противоречий в трактовке деятельности переводчика в судебном процессе. Учитывая неустанную работу переводчика в условиях межкультурной коммуникации, дискурс сам по себе не может служить фоновой составляющей, а частью лингвокультурных особенностей, в данную коммуникацию вовлеченных. В настоящее время ведется активное исследование расхождений в восприятии и трактовке специальных терминов и понятий в рамках языка для специальных целей в условиях передачи инварианта смысла, что составляет одну из неотъемлемых

составляющих коммуникации как таковой. Ведь в переводе с латинского языка слово “discurro” в переносном смысле представлено как «рассказывать, излагать», следует быть осторожнее не только с введением и анализом подобных понятий, но и присвоением им определенных характеристик.

Вторая глава «Стратегии и тактики судебного перевода» посвящена установлению как стратегий, используемых переводчиком в судебном процессе, так и тактик, служащих ориентиром для переводчика в достижении целей его деятельности – установлении коммуникации и сотрудничества между обвиняемым и лицами, участвующими в деле.

Далее совершенно верно отмечается необходимость разбора понятий «стратегии и тактики перевода» как таковых. Подчеркну, что несмотря на достаточно подробный и неустанный анализ данных понятий с позиций разных научно-исследовательских парадигм с момента их зарождения по настоящее время, существует ряд противоречий между исследователями. Следовательно, с точки зрения установления корреляции между соответствующими определениями в отношении устной переводческой деятельности и процессуальными реалиями разбор, сделанный диссертантом, заслуживает высокой оценки. В данной главе он сделан достаточно подробно и всесторонне не только с точки зрения коммуникативно-деятельностного подхода, но и субстантивно-трансформационного.

Здесь следует уточнить, что С.В. Стародубов подчеркивает, что В.Н. Комиссаров при анализе понятия «стратегия перевода» не учитывает коммуникативную ситуацию (стр. 65) что, действительно, зачастую подвергается критике со стороны исследователей. Однако в своей знаменитой монографии «Общая теория перевода» В.Н. Комиссаров не раз обращается к понятию «коммуникативная ситуация» и отмечает ее неоспоримую важность в переводческой деятельности.

В связи с тем, что автор рассматривает именно устную переводческую деятельность в процессе судебного перевода, хотелось бы увидеть применение проведенного теоретического анализа именно к устному переводу. Автор приводит собственное определение стратегии перевода, которая представляет «генеральный план деятельности переводчика по осуществлению собственно перевода определенного текста в определенной коммуникативной ситуации и в соответствии с определенной целью. Стратегия – это общее представление переводчика, его образ мышления относительно того, как надлежит переводить в данной конкретной ситуации» (стр. 74).

Однако в самом базовом определении понятия «стратегия», которое приводит С.В. Стародубов, заложено его основное значение, связанное с подготовкой и планированием, что неоднозначно воспринимается в рамках устной деятельности переводчика, которая зачастую диктует собственные условия, требующие быстрого принятия решения. Данное решение может быть далеко от заранее подготовленных способов перевода инварианта смысла, что не имеет отношения к стратегии. С сожалением отмечаю, что данная проблема не раскрыта в полной мере.

Проанализировав понятия стратегий и тактик перевода, С.В. Стародубов переходит к анализу их применения в судебном переводе. Приводится ряд схем о роли переводчика в судебном процессе, способах перевода («лингвистических континуум»), а также коммуникативная ситуация судебного перевода («коммуникативный континуум»).

Не согласимся со следующим утверждением диссертанта: «переводчик – это не переводческая машина, лишенная всяческих эмоций, а человек, который способен к эмпатии, сопереживанию или, напротив, к антипатии. Эти эмоции при грамотном использовании эмоционального интеллекта могут помочь переводчику подобрать наиболее адекватные варианты перевода. В то же время, безусловно, «лишние» эмоции могут создавать определенные

трудности для переводчика» (стр. 89). В данном контексте подобное заявление противоречит тем требованиям к деятельности переводчика, которые анализируются в первой главе. Кроме того, применение эмпатии в переводческой деятельности может вызвать искажения прагматики смысла высказывания в связи с их некорректной трактовкой переводчиком и привести к нежелательному исходу судебного процесса, в худшем случае – могут быть использованы в качестве персуазивных средств воздействия и манипуляций, например, подсудимым.

Далее приводятся примеры применения тактик на разных языках, сопровождающиеся достаточно подробным анализом. Заслуживает высокой оценки тактика «налаживания «сотрудничества» с судьей», что является уникальной чертой судебного перевода. Приведение примеров экстралингвистического влияния с точки зрения разночтений правовых семей и влияния на перевод также оцениваю положительно.

Выводы по второй главе диссертации весьма исчерпывающи и отражают его содержание.

В третьей главе диссертации «Лингвистические и прагматические аспекты судебного перевода» особое внимание уделяется личности переводчика, который «обладает определенным мировоззрением, персональным набором установок, системой ценностей. По этой причине, к примеру, всё сказанное судьей в адрес подсудимого (как и наоборот) как бы преломляется через личность переводчика и, в некотором смысле, переводчик продуцирует текст заново для реципиента» (стр. 138). Действительно, переводчик обладает собственным концептуальным пространством восприятия и может поддаваться экстралингвистическим факторам, лингвопрагматическим особенностям персуазивного и суггестивного характера.

Однако как и в отношении вышеприведенных высказываний С.В.Стародубова из предыдущей главы, с данными заявлениями сложно согласиться. В диссертации совершенно верно отмечается посредническая функция переводчика в межкультурной коммуникации, однако этика выполнения переводческих задач всегда сопряжена с умением разделять собственное восприятие и контролировать закрепленные лингвокультурные и концептуальные особенности ряда оперативных единиц, психолингвистических факторов, связанных с эмпатией и собственной трактовкой языковых репрезентаций обвиняемого и других участников судебного процесса. В этой связи почеркну противоречивость приведенных высказываний, психолингвистическая проблема личности переводчика не раскрыта в полной мере.

Далее в диссертации анализируются примеры из фрагментов стенограмм судебных заседаний в ЮАР, на Филиппинах, в Швеции. Анализ показал, что в ситуации судебного перевода большое значение имеют всевозможные прагматические факторы. Учитывая их, переводчик стремится к должному осуществлению коммуникации между различными участниками судебного процесса, к предотвращению и преодолению коммуникативных неудач. В частности, было установлено, что переводчик принимает во внимание биполярный характер коммуникации, осуществляемой по линии «конфронтация-сотрудничество». В качестве замечания хотелось бы отметить, что в анализе не приводятся конкретные примеры языковых репрезентаций из фрагментов, которые служат ядром лингвистических и прагматических особенностей, что вносит неясность в трактовке полученных результатов и выводов.

Несмотря на выдвинутые замечания актуальность и важность темы диссертанта не вызывает сомнений, она обладает высоким потенциалом для

дальнейших исследований. В плане уточнения также хотелось бы задать ряд вопросов:

1. На стр. 56 диссертации автор пишет: «косвенным образом переводчик в результате своей деятельности оказывает определенное влияние на процесс собирания и проверки доказательств, однако роль переводчика в проверке собранных доказательств минимальна». Хотелось бы выслушать подробный комментарий по этому вопросу с точки зрения прагматико-лингвистических факторов.
2. На стр. 88 диссертации приводится схема 2 «Лингвистический континуум», где автор разделяет понятия «точный перевод», «комбинированный способ перевода», «трансформированный перевод». Учитывая то, что в процессе переводческой деятельности для достижения адекватной передачи смысла и точности передачи прагматических особенностей переводчик прибегает к трансформационным решениям, хотелось бы выслушать обоснованность разделения данных понятий.
3. В диссертации автор прибегает к понятию о переводческих трансформациях, называя их «переводческими операциями». Принимая во внимание намерение автора рассмотреть лингвистические и прагматические факторы судебного перевода с позиций коммуниктивно-деятельностного подхода, считаем важным уточнить, насколько анализ переводческой деятельности важен с точки зрения трансформационного подхода?
4. В третьей главе «Лингвистические и прагматические аспекты судебного перевода» анализируются фрагменты судебных заседаний, однако анализ не сопровождается ссылками на данные ресурсы. Хотелось бы получить комментарий по поводу актуальности данных,

так как не указаны ни конкретные источники, ни временной промежуток, за который анализируется материал.

Основные результаты исследования нашли свое отражение в 9 публикациях, 3 из которых в изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Содержание автореферата соответствует идеям и выводам диссертации.

Все это позволяет заключить, что диссертация Стародубова С.В. соответствует требованиям пп. 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением правительства РФ №842 от 24 сентября 2013 г. (ред. От 01.10.2018, с изм. от 26.05.2020), предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор, Стародубов Станислав Витальевич, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности: 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

**Кандидат филологических наук (5.9.8), преподаватель 33 кафедры
(английского языка (второго) ФГКВООУ «Военный университет
имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской
Федерации**

Пелагея Андреевна Рыкова

«30» августа 2024 г.

Против включения персональных данных оппонента в документы, связанные с защитой данной диссертации и их обработки не возражаю.

e-mail: rykova.pa@gmail.com

П.А. Рыкова

